

II

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Владимира Ленина “Государство и революция”.

Ленин возвращается к марксистской теории государства в разгар первой мировой войны именно потому, что революционной партии пришлось вести борьбу с варварством, порождённым столкновением крупных империалистических государств. Стоит отметить, что даже в самый разгар войны – в момент наивысшей концентрации государственной власти, когда государства получили чрезвычайные полномочия, мобилизовали предельные усилия на ведение войны, поставили экономику под контроль государственного капитализма, ввели военное положение и начали жестоко подавлять инакомыслие для удержания внутреннего фронта – Ленин отверг теорию Николая Бухарина, абсолютизирующую власть государств в эпоху империализма. Он вновь подчеркнул, что демократия является *лучшей политической оболочкой* капиталистического общества, даже на его высшей, империалистической стадии. Можно сказать, что Ленин предоставил все инструменты для борьбы с более поздними теориями тоталитаризма или сверхимпериализма. Концентрация капитала не ослабляет, а, наоборот, обостряет конкуренцию – как экономическую, так и политическую – за влияние на государство. Неравномерное развитие неизбежно. Тоталитарное государство невозможно, поскольку его существование предполагало бы устойчивое и постоянное равновесие, своего рода “заморозку” внутренней структуры буржуазных фракций и почти абсолютное единство целей – то, чего никогда не было в истории империализма. В конечном счёте, это предполагало бы длительную стагнацию производительных сил.

Гигант Ленин стоял на плечах великанов – Маркса и Энгельса – и показывал, как буржуазия в процессе своего исторического восхождения совершенствовала государственную машину, вырванную революционным насилием у феодальной аристократии, направляя её к всё большей централизации власти в руках исполнительной власти; как новый правящий класс, несмотря на экспоненциальный рост своего бюрократического и военного паразитизма, по-прежнему нуждается в плюрализме, чтобы представлять свои интересы и эффективно приводить их к синтезу. Государство является официальным представителем всего общества, его зримый синтез. Оно должно отражать неравномерное развитие фракций правящего класса и их борьбу. Государство в империалистическую эпоху – это политическая оболочка, которая выражает в непрерывной череде политических схваток совокупность связей и интересов, укоренившихся на местах. Это та форма, которая наилучшим образом способна примирить, дисциплинировать и объединить эти интересы в общую линию, подчиняя ей угнетаемый класс как массу для манёвра. Эффективность *централизации плюрализма* проверяется и в международной политической борьбе: наиболее эффективной политической оболочкой является та, которая наилучшим образом борется с другими государствами (как союзниками, так и противниками) или вмешивается в их политику.

В эпоху финансового капитала политика становится утончённым искусством господства, защиты и реализации богатства *«двумя методами»*: через прямую коррупцию государственных чиновников и через союз правительства с фондовой биржей. Политическая история каждой современной державы даёт бесконечное множество примеров этому.

При всём уважении к Вулфу и его коллегам, капитализм, с тех пор как буржуазия стала господствующим классом, всегда тяготел к демократии как к наилучшей оболочке. Каждое государство, а также одно и то же государство на разных фазах борьбы между буржуазными группами и фракциями, является по-своему демократическим. Говоря научным языком, демократия, как обнаружил Маркс в “Капитале”, является чистой формой политического господства при капитализме, но она имеет *«бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»*¹.

С диктатурой капитала, с его политическим господством необходимо бороться во всех его проявлениях. Чтобы вести политическую борьбу, необходимо глубоко изучить науку

революции. Империалистическому государству нужна демократия, но разновидностей империалистической демократии множество. История империалистического развития показывает, что диалектика централизации плюрализма может принимать формы *однопартийного плюрализма* – фашистские, сталинистские, маоистские, – может выражаться в политической роли вооружённых сил или в доминировании крупных партий-государств, таких как Христианская демократия в Европе или Либерально-демократическая партия в Японии, существующая до сих пор. В некоторых случаях это происходило настолько жёстко и неадекватно, что приводило к чисткам, политическим убийствам и массовым казням. Дисбаланс и политический кризис являются обычными продуктами деятельности правящего класса, продуктами борьбы между фракциями, между регионами, между государственными властями и между партиями.

В теоретических разработках правящего класса существуют концепции прагматического реализма, которые позволяют лучше понять, почему настолько прочна лучшая оболочка сегодняшнего общества – империалистическая демократия. Сабино Кассезе пишет, что *«демократия – это смешанный режим, который менялся с течением времени и сегодня состоит из множества компонентов: отбор представителей посредством выборов, которые заключаются в одобрении предложений (кандидатур), внесённых партиями; наличие нескольких субъектов, то есть партий; свобода политических партий и их членов выражать своё мнение и объединяться; уважение к основным правам и свободам; социальный и политический плюрализм, заключающийся в существовании различных выборных органов; разделение властей и противовесы между ними; стремление к равенству, причём не только формальному, но и такому, которое обеспечивает всем одинаковый старт; участие в наднациональных системах; открытость выборных органов к диалогу и инакомыслию, а также к компромиссу»*. Если не принимать во внимание явно утопическую цель достижения социального равенства в рыночном обществе, этот перечень характеристик империалистической демократии даёт представление об одной черте, которая даёт ей великую силу, – гибкость. С помощью этой гибкости старая власть пытается сдерживать, трансформировать популистские партии, превращая их в точки соприкосновения генеральной линии крупной буржуазии с мелкобуржуазными и собственническими слоями, которые необходимы ей для хотя бы временного господства над массами. Эту же цель преследует и политика *закона и порядка*, проводимая как правыми, так и левыми правительствами.

Гибкость заключается в способности отражать изменения относительного веса фракций и течений в рамках централизации плюрализма сил и сопровождать их идеологиями в адекватных пропорциях. Это не означает, что процесс не сталкивается с моментами несоответствия, которые могут вылиться в более или менее продолжительный дисбаланс или привести к более или менее жестоким кризисам.

Несколько провокационно эксперты по конституционному праву стран БРИКС заявляют, что государственное устройство их стран соответствует всем перечисленным характеристикам, но с особыми чертами, обусловленными их историей и традициями. А поскольку каждый империалистический разбойник осуждает преступления своих собратьев-разбойников, то достаточно лишь внимательно изучить международную прессу за достаточно длительный период и сделать её сравнительный обзор, чтобы обнаружить ужасы, которые творят все без исключения империалистические демократии: от физического устранения противников и подавления оппонентов до массовых убийств, совершаемых террористической крупной буржуазией в ходе военных столкновений, которые преподносятся общественности как удовлетворение жизненных потребностей, где жертвами становятся беззащитные и невинные люди – как побочный ущерб.

Империализм извращает производительные силы, превращая их в расточительство и разрушительные силы, которые в итоге обращаются против своих собственных создателей. В результате его политическая оболочка давно превратилась в *реакцию по всей линии*.

Идеология лишь запутывает острые противоречия правящего класса, но не может их скрыть, поскольку в этой мифической борьбе либеральных демократий против тираний в качестве верных союзников первых всё чаще привлекаются репрессивные режимы с высокой степенью полицейской жестокости. Отвратительные правительства выступают поставщиками энергии и стратегического сырья, они исполняют роль надсмотрщиков в

“архипелаге ГУЛАГ”, созданном на средства либеральных апологетов *«регулируемой миграции»*, а через военные поставки превращаются в вспомогательные войска в опосредованных войнах великих держав

Научные разработки революционной партии, создававшиеся поколениями, с течением десятилетий обогащались и совершенствовались инструменты для понимания и борьбы с диктатурой буржуазии во всех её проявлениях. Указание на необходимость более глубокого понимания вопроса государства и демократии может быть найдено во многих работах Арриго Черветто, таких как “Политическая оболочка”, в книге Гуидо Ла Барберы “Европа и государство”, эссе, опубликованных издательством Lotta Comunista, об империалистической демократии в Америке и Китае, а также в теоретических пассажах в рубрике “Европейские хроники” газеты Lotta Comunista, дающих понимание процесса империалистического объединения Европы.

В книге о “группе, стоявшей у истоков” Lotta Comunista есть глава, посвящённая длительным критическим размышлениям Черветто о концепциях государства как в анархистской, так и в левокоммунистической традициях. Общей чертой этих традиций является абсолютизация силы империалистического Левиафана – до такой степени, что он, якобы, закупоривает все возможные щели для эффективного политического действия. Отсюда – склонность переходить к крайнему скептицизму и выжиданию. Черветто подчёркивает, что теоретические вопросы *империалистического государства* становятся *практическими вопросами революции* – это вопросы о балансе сил между государствами, о формировании новых государств или о национальной независимости, об использовании организациями пролетариата пространств легальности, имеющих в буржуазном государстве, и, наконец, о необходимости диктатуры пролетариата или переходного государства – государства-коммуны. Они представляют собой теоретический и практический фронт борьбы революционной партии, сложные узлы, которые необходимо развязать, чтобы бороться против буржуазного Ancien Régime посредством интернационалистской стратегии, отвечающей вызовам времени.

В *войнах кризиса порядка* течения, которые не в состоянии проанализировать динамику баланса сил и, следовательно, овладеть пониманием различных этапов коммунистической стратегии в отношении *национального вопроса*, останутся в ловушке социал-империализма, который на словах выступает за социальный прогресс и против угнетения, но на деле находится на службе империализма.

Процесс накопления факторов исторических изменений долготен и молчалив, для больших масс даже незаметен. Старый крот коммунизма продолжает рыть, его теоретическая глубина подкрепляет страсть и вкус к ежедневному участию в борьбе за преобразование мира. Каждый день он методично работает над тем, чтобы освободиться от буржуазного хлама и сформировать точку зрения угнетённого класса. Он укрепляет свою организацию, чтобы дать угнетённым и слабым возможность освобождения.

Разрушение порядка продолжается и неизбежно приведёт к его катастрофическому краху. И история вновь поставит альтернативу между варварством мировой войны при буржуазной диктатуре и возможностью освобождения посредством диктатуры пролетариата. Опыт Парижской и Русской коммун вернётся в повестку дня.

Январь 2025 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 354.